

Теплый желтоватый свет в прихожей мягко окутывал пространство, отбрасывая на начищенный пол длинные тени двух обнявшихся фигур, которые сплелись воедино, так что уже невозможно было разобрать, где заканчивается один и начинается другой.

Этот первый поцелуй был легким, словно взмах крыльев бабочки, коснувшейся лепестка цветка, — в нем чувствовалась осторожная, почти робкая сладость. Цзюнь Цяньмо ощутил, как крошечный электрический разряд пробежал по его губам, мгновенно охватив всё тело и вызвав доселе неведомое чувство приятного онемения. Его сознание опустело, а все ощущения сосредоточились в той единственной точке, где соприкасались их губы.

Чудесно... Прекрасно...

Эти слова без предупреждения всплыли в его почти замершем разуме, обладая магической силой, заставлявшей сердце биться в неритмичном танце. Он неумело, почти инстинктивно ответил на эту мягкость, словно проваливаясь в теплый и сладкий сон, где каждый вздох был пропитан дурманящим ароматом.

Поцелуй Му Шэнъэ был именно таким, каким он казался со стороны: в нем сквозила невыразимая мягкость и терпимость, он вел за собой, принимая всю неловкость и смущение Цзюнь Цяньмо. Губы медленно сплетались в нежном, терпеливом танце, словно он пробовал на вкус десерт, которого долго ждал. Не спеша, но с каждым движением он попадал точно в цель, задевая самые чувствительные струны души Цзюнь Цяньмо.

И всё же, в этом океане предельной нежности, в глубине души Му Шэнъэ промелькнуло странное, едва уловимое ощущение, которое он не сразу осознал: казалось... чего-то не хватает. Но это чувство, подобно крошечному камешку, брошенному в озеро, не успело пустить круги, как его поглотила более мощная волна. У него не было времени докапываться до истины, и он, движимый инстинктом, лишь глубже вбирал в себя дыхание партнера. Его рука обхватила тонкую, крепкую талию Цзюнь Цяньмо, сокращая расстояние между ними до нуля, увлекая его за собой в этот головокружительный омут чувств.

Цзюнь Цяньмо был полностью поглощен происходящим. Он никогда не думал, что поцелуй может принести столь сильное и непривычное наслаждение. Казалось, все нервные окончания в его теле вспыхнули, восторг и возбуждение бурлили в крови, но при этом всё это было бережно укутано в бесконечную нежность, заставляя сердце безумно трепетать. Он бессильно осел на спинку мягкого дивана, дыхание сбилось окончательно. Руки, лежавшие на плечах Му Шэнъэ, теперь судорожно сжимали ткань его одежды, до побелевших костяшек.

Му Шэнъэ подался вперед: одной рукой он продолжал уверенно придерживать Цзюнь Цяньмо за талию, а вторую инстинктивно подложил ему под затылок, чтобы тот не ударился. Их тела плотно прижались друг к другу, стук сердец слился в единый гул, и уже невозможно было понять, чей это ритм.

Кислород в ходе страстного сплетения губ постепенно заканчивался, перед глазами поплыли темные пятна, а в голове зашумело от нехватки воздуха. Лишь эта острая физиологическая

реакция заставила их, наконец, оторваться друг от друга и вернуться из мира грез.

Тонкая серебристая нить разорвалась между их припухшими губами, оставив двусмысленный след. Цзюнь Цяньмо обмяк на диване, его грудь тяжело вздымалась, он жадно хватал ртом воздух. Его холодные, отстраненные черные глаза сейчас подернулись влажной дымкой, уголки глаз покраснели от нахлынувшего возбуждения, а взгляд был рассеянным. Он выглядел так, будто его только что вытащили из воды: тело обмякло, а пальцы дрожали от слабости.

Му Шэнъэ выглядел чуть лучше, но и его дыхание было неровным. Глаза за стеклами очков казались сложнее, чем обычно, в них бурлили не утихшие темные воды. Он по-прежнему удерживал Цзюнь Цяньмо, их лбы почти соприкасались, а горячее дыхание смешивалось, наполняя воздух густой, нерассеивающейся истомой.

И правда, помешался.

Му Шэнъэ беззвучно усмехнулся про себя: надо же, позволил какому-то поцелую вывести себя из равновесия. Он отчетливо чувствовал дрожь тела в своих объятиях, его жар и бешеный стук сердца, готового выпрыгнуть из груди.

Цзюнь Цяньмо в этот момент терзался схожими мыслями: что, что, что он только что сделал?! Но реакция тела была пугающе честной — это наслаждение и близость, грозившие расплавить его изнутри, вызывали такой стыд, что пальцы невольно поджимались, но в то же время... рождали чертовски сильную привязанность.

После короткого молчания Му Шэнъэ первым взял себя в руки. Он слегка отстранился, поправил чуть съехавшие очки в черной оправе. Его белые щеки покрылись легким румянцем, взгляд блуждал, но голос звучал с идеально выверенной долей смущения и извинения:

— Простите, господин Цзюнь... Я... я не мастер целоваться... Прошу прощения за свою дерзость.

Говоря это, он выглядел покорным и невинным, но в глубине души хладнокровно смаковал только что пережитый момент. Ощущение того, что души на миг соприкоснулись, а дыхание стало общим, было... неплохим. Даже вызвало привыкание. Никакого раскаяния в том, что он едва не довел человека до кислородного голодания — только приятное послевкусие.

Цзюнь Цяньмо очнулся от этих слов «раскаяния». Глядя на то, как Му Шэнъэ притворяется, будто совершил ошибку, и сравнивая это с тем мастерским поцелуем, который едва не лишил его рассудка и заставил ноги подкашиваться, он ощутил сильнейший когнитивный диссонанс.

Это... это он называет плохой техникой?!

Он был настолько поражен контрастом, что на мгновение лишился дара речи. Сомнения в

душе усилились: ему казалось, что что-то здесь не так, но уловить суть он не мог. Однако внешне он не мог подать виду, поэтому попытался сделать невозмутимый вид, стараясь унять жар, разлившийся по лицу. Но румянец, как назло, расползлся от щек до самой шеи, и спрятать его было невозможно.

Он отвел взгляд, не решаясь смотреть на Му Шэнзэ, и ответил охрипшим от пережитого и слегка дрожащим голосом:

— ...Ничего... всё в порядке.

Между ними вновь воцарилось странное, двусмысленное молчание, нарушаемое лишь еще не утихшим тяжелым дыханием. Поза не изменилась, тепло тел передавалось через тонкую одежду, безмолвно свидетельствуя о только что пережитом пылком моменте.

Холодный ветер с гулом проносился по декорациям старой улицы, поднимая клочки бумаги.

— Мам, в этом году не приеду, — Е Ю, одетая в старую ватную куртку, сжимала телефон так, что побелели костяшки, и старалась говорить ровно. — ...Да, с работой сейчас туго, а за дежурства в праздники хорошо платят.

Е Ю запнулась. Ветер, от которого кончик носа стал пунцовым, казалось, разогнал и влагу в глазах, но горечь и холод от того, что из-за увольнения она не может показаться родителям на глаза, стали лишь острее. В глазах скапливались слезы, но она до боли закусила губу, боясь, что голос предательски дрогнет.

Белоснежная снежинка бесшумно опустилась ей на нос. Ледяное прикосновение заставило её растерянно поднять голову.

— О... снег пошел, — пробормотала она. Голос звучал тихо, как вздох, полный смиренной усталости и растерянности.

Снег падал хлопьями, постепенно укрывая этот холодный мир, словно пытаясь спрятать всю её неловкость и печаль.

— Снято! Отлично! Цзи Ся, эмоции — просто в точку! Ты так передала эту показную стойкость Е Ю, её внутреннюю обиду, страх перед безработицей и тоску по дому! Превосходно! Сегодня ты в ударе! — режиссер Хуан в восторге вскочил из-за монитора и закричал в рупор: — Готовьтесь, куй железо, пока горячо, сейчас снимем ту сцену монолога под снегом!

Цзи Ся уже вышла из образа Е Ю, приняла от ассистента грелку и пуховик и улыбнулась режиссеру:

— Хорошо, режиссер Хуан.

После нескольких дублей небо начало темнеть. Цзи Ся смыла грим, с усталостью переоделась в свою одежду и собралась ехать в отель. Как только она вышла за пределы съемочной площадки, к ней быстро приблизился человек.

— Сестренка Цзи Ся! Устала на съемках? Выпей бабл-ти, согрейся! — Шэнь Чживэй с подобострастной улыбкой протянул ей стакан.

В глубине его глаз, в сумерках, едва заметно мерцало нечто, похожее на жадность и вожделение. Цзи Ся машинально нахмурилась, взглянув на этикетку: «Полный сахар, со льдом, с жемчужинами». Уголок её губ дернулся: она терпеть не могла приторную сладость и текстуру жемчужин.

Цзи Ся с недоумением посмотрела на Шэнь Чживэя. Ничего не сказала, лишь подумала, что предлагать ледяной напиток человеку, который несколько часов промерз на холоде, — просто глупость.

— Спасибо, не нужно, я не пью ледяное, — вежливо, но отстраненно ответила она.

Улыбка Шэнь Чживэя застыла. Видимо, он не ожидал отказа, но тут же настойчиво протянул стакан снова:

— Ну что ты, сестренка Цзи Ся, не стесняйся! Зимой только лед и бодрит! К тому же полный сахар быстро восстанавливает энергию, ты же так устала на съемках...

Цзи Ся впервые слышала подобную чушь, она с явной неохотой отступила на два шага и снова покачала головой, давая понять, что отказывается. Шэнь Чживэй не унимался, его настойчивость была слишком навязчивой, вызывая у Цзи Ся дискомфорт. Она уже собиралась повторить отказ, когда чья-то рука с четко очерченными костяшками протянулась сбоку и легко отодвинула руку Шэнь Чживэя.

— Она не любит полный сахар и жемчужины.

Голос пришедшего был спокойным и не терпящим возражений. Он естественным движением вложил в руку Цзи Ся другой стакан с этикеткой «Семьдесят процентов сахара, горячий, с кокосовым желе».

Цзи Ся подняла голову и, увидев гостя, радостно выдохнула:

— Шэнь Цы? Ты как здесь оказался?

Шэнь Цы был в темном пальто, его осанка была безупречной. Он равнодушно скользнул взглядом по лицу Шэнь Чживэя, которое мгновенно помрачнело, а затем повернулся к Цзи Ся:

— Был здесь в командировке, услышал, что ты снимаешься, решил заехать по пути.

Его тон был обыденным, словно это была случайная встреча, хотя только он сам знал, что это не так. Цзи Ся сделала глоток горячего напитка через трубочку, проткнув пленку. Теплая, в меру сладкая волна разлилась по горлу, и она довольно прищурилась.

— Ты всё помнишь, — с улыбкой упрекнула она, и в её голосе проскользнула естественная близость старых знакомых.

Они стояли рядом, перекидываясь фразами о съемках и погоде. В их поведении не было ничего предосудительного, но та естественная гармония и расслабленная атмосфера, что их окружала, невидимым барьером отсекали Шэнь Чживэя, чье лицо становилось всё мрачнее.

Шэнь Чживэй буравил их взглядом, особенно Шэнь Цы, чья невозмутимость и спокойствие, с которыми тот словно не замечал его присутствия, вызывали ярость. Его кулаки сжались, а во взгляде читалась злоба.

Шэнь Цы, опять ты, мой так называемый старший брат... Почему, почему ты каждый раз отбираешь всё, что принадлежит мне?

Шэнь Чживэй сжимал стакан с ледяным напитком. Ну ничего, подожди, я рано или поздно заберу своё.

Шэнь Цы, казалось, ничего не заметил. Перебросившись с Цзи Ся еще парой слов, он естественно предложил уходить. В тот момент, когда он обернулся, его взгляд на долю секунды задержался на перекошенном лице Шэнь Чживэя. В душе он презрительно усмехнулся, хотя внешне остался невозмутим. Этот младший брат, незаконнорожденный сын, которого отец привел в дом, и правда совершенно не умеет держать себя в руках.

Неподалеку стоял черный деловой автомобиль. Му Шэньэ сидел на пассажирском сиденье, наблюдая за этой нелепой сценой. Он поправил очки в черной оправе, его взгляд за стеклами оставался спокойным, а в душе он лишь холодно отметил:

Глупость, выставленная напоказ.

Неужели такой дурак, у которого все эмоции на лице, чьи методы примитивны, а успех держится лишь на странной удаче или чем-то еще, в будущем сможет поглотить корпорацию Цзюнь, которую Цзюнь Цяньмо выстраивал своими руками? Этот мир и правда сошел с ума.

— Хозяин, хозяин! — в его голове раздался голос 886, полный предвкушения от обнаруженной добычи. — Сканирование завершено! На Шэнь Чживэй прикреплен мощный энергетический сгусток «злой воли», а еще у него есть незаконная, не зарегистрированная в главной системе «дикая» низкоуровневая система. Энергетические колебания крайне странные, похоже на насильственное вселение.

Взгляд Му Шэньэ стал холодным.

Что и требовалось доказать. Шэнь Чживэй, который по сюжету поглотит корпорацию Цзюнь, на самом деле — паразит, пытающийся за счет чужих сил присвоить себе чужую удачу и плоды чужого труда. Вспомнив, как несколько лет назад Цзюнь Цяньмо потерял родителей и старшего брата, как «избранный судьбой» вынужден был в одиночку учиться управлять компанией, как каждый день работал до изнеможения, превращаясь из беззаботного юноши в сдержанного и хладнокровного правителя, Му Шэньэ ощутил редкий прилив раздражения и ярости.

С какой стати?

Почему всё то, ради чего Цзюнь Цяньмо проливал кровь и пот, должно так легко достаться такому ничтожеству, которое еще и жаждет всё разрушить? Не на всё можно зариться. Этот гнилой паразит явно не достоин того, на что претендует.

Эмоции Му Шэньэ бурлили. Он не знал источника этого раздражения, да и не заботился об этом — его больше волновало происходящее сейчас.

— 886, — спокойно распорядился он в своих мыслях, — от имени «Song» начни коммерческую атаку на ту компанию, которую только что основал Шэнь Чживэй. Не нужно уничтожать его сразу, дави медленно, пусть прочувствует, как каждый его шаг ведет в тупик.

— Понял, хозяин! — 886 был полон энтузиазма. Энергия «диких» систем — лакомый кусочек, старшие коллеги говорили, что это редкое удовольствие! Хи-хи-хи.

Почти в тот же момент раздался другой сигнал:

— Дзынь! Обнаружено: потенциальная угроза для «избранного судьбой» (Цзюнь Цяньмо) снизилась. Уровень разрушения мира упал на 20%, текущее значение — 50%. Продолжайте в том же духе!

Му Шэньэ слегка приподнял бровь и посмотрел в окно. Машина Шэнь Цы и Цзи Ся уже уехала,

и только Шэнь Чживэй всё ещё стоял на месте, с лицом настолько мрачным, что оно казалось нелепым и жалким на фоне падающего снега.

<http://bllate.org/book/21336/2164253>